

МОДАЛЬНОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА

В статье предлагается взгляд на бытие феномена человеческого одиночества с точки зрения модальности возможного и необходимого. Автор предлагает новый подход к пониманию модальности, при котором модальность — это отношение объектов как одного целого и другого целого в определенных условиях конкретной системы взаимодействий с другими объектами. Определяются понятия субъективной и объективной модальности.

Анализируются модальности одиночества и виды одиночества в соответствии с видами реальности, создаваемыми человеком. Делается вывод о том, что одиночество всегда модально и первоначально формируется только как возможность.

1. Функционирование понятия «модальность» в культуре и понятийной парадигме

Два основных понятия в заявленной теме работы — модальность и одиночество — имеют каждое по-своему уникальную судьбу в истории философии. Оба эти понятия осмысляются в современной науке как критически важные для понимания существующей реальности мира и человека, и оба эти понятия совершенно незаслуженно мало изучены.

В философии — и в прикладной и в фундаментальной — главным образом уделяется внимание бытию или небытию, тогда как сами бытие и небытие предметов, процессов, отношений реализуют себя лишь в том или ином виде модальности.

Человечество изучало реальность нашего многомерного мира словно бы в одной плоскости — наличного бытия, лишь изредка нащупывая его границы в небытии, тогда как следовало бы давно изучать его в другой плоскости — плоскости инобытия — и подойти к пониманию взаимозависимостей существующих модальностей, в первую очередь онтических (или алетических).

Модальность в этом смысле есть самая глубинная философская категория. На сегодня существует три основных способа определения модальности: 1) через ее семантику (как вид или способ бытия); 2) через перечисление видов бытия; 3) как отношение чего-либо к реальности.

Строго говоря, первый и второй варианты, то есть определение модальности через перевод значения этого понятия или через перечисление его видов, определениями не являются. Наиболее распространенным и наиболее признаваемым определением модальности служит следующее: это тип отношения высказывания к реальности, которое выражается в речи с помощью особых языковых средств. При этом модальность может рассматриваться некоторыми исследователями и как объективная и как субъективная. Объективная модальность понимается как выражение отноше-

* Нечаев А.В., 2006

Нечаев Алексей Владимирович — проректор по международным связям Самарского государственного университета

ния сообщаемого к объективной действительности, когда содержание сообщаемого мыслится как реальное или нереальное, возможное или невозможное, необходимое или вероятное. Субъективная модальность — это оценка говорящим описываемых фактов (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, положительная или отрицательная оценка). Заметим, что разница этих двух подходов, несомненно, существует, однако не столь существенная — в обоих случаях определение дается исключительно с точки зрения познающего субъекта, выражения его переживаний и оценки происходящего.

Конечно, можно все бытие рассматривать как воплощение субъективных фантазий, кто бы ни был этим субъектом, или как воплощение мирового Слова. Однако, на мой взгляд, «суха теория», а древо жизни по сравнению с ней вечно зеленеет. Поэтому гораздо более продуктивным мне кажется противоположный путь познания, при котором сам познаваемый объект определяет точку зрения субъекта и диктует инструменты своего познания, и при котором любое слово есть лишь особая форма манифестации бытия, если рассматривать понятия «слово» и «бытие» в этой искусственной оппозиции.

Если в сознании человека есть некоторые схемы и отношения, то им должно нечто соответствовать в объективном мире. Другими словами, если есть модальность в грамматических конструкциях или в процессе познания, то такие отношения должны существовать и вне познающего и усваивающего их сознания субъекта. Модальность не может быть только способом суждения субъекта. Это отношения, существующие независимо от субъекта. Модальности имеют собственную природу и существование, как и бытие.

Однако это не отношения свойств объектов, которые объекты проявляют в конкретных взаимодействиях. При непосредственном взаимодействии объекты вступают в отношение частично, односторонне и взаимно проявляют себя в количественных характеристиках своих свойств — больше, меньше, тверже, горячее, хрупче и т.д. Модальность — это отношение объектов как одного целого и другого целого в определенных условиях конкретной системы взаимодействий с другими объектами. Это взаимодействие не количественное, а, в первую очередь, качественное, при котором окружающая действительность воспроизводит в себе идеально данный объект как целое, и не только сам объект как таковой, но его интенции, его векторы существования. Тем самым существующая действительность оказывается в определенной зависимости от существования данного объекта как целого, и либо начинает безусловно требовать осуществления данного вектора изменения объекта, возникновения его иного, либо запрещает его, либо сама в свою очередь ставит существование этого иного или веера иных состояний данного объекта в зависимость от одного, нескольких или многих условий.

Подобный подход позволяет по-иному разделить понятия субъективной и объективной модальности, избегая явно надуманного различения как оценочного и безоценочного выражения отношения говорящего к реальности. Субъективная модальность при этом становится выражением отношения субъекта к той или иной реальности, а объективная модальность закономерно утрачивает зависимость от субъекта и может быть определена как реально существующее отношение реальных объектов или как выражение сущностной вариативности бытия.

«Бытие» есть предельно широкая философская категория, и потому бытие не тождественно ни одной из существующих модальностей, категория «бытие» объемлет собой все существующее и обладающее при этом собственной сущностью, в какой

бы модальности это существование ни происходило. В свою очередь модальность обладает бытием, но не заключается в пределах бытия, она выходит как за рамки бытия, так и небытия, потому что существует в другой плоскости. Модальность не есть свойство бытия, а изначальная сущностная вариативность бытия. Это две равноглубинные и равнозначные категории. Бытие есть, потому что оно модально/возможно, а модальность/возможность есть, потому что она обладает бытием.

В одной из недавних философских работ, посвященных проблеме модальности — «Философия возможного», — ее автор Михаил Эпштейн указывает, что различие между «быть» и «мочь» глубже, чем между «сущностью» и «существованием», поскольку обе последние категории сугубо онтологичны и представляют собой раздвоение одного свойства «быть» на бытие качества, универсалии — и бытие единичности, индивида. Сущность, по крайней мере в ее традиционном истолковании, как «эссенция», отвечает на вопрос «что есть этот предмет?» и предполагает даже более устойчивый, вечностный способ существования, чем существование индивида в смысле «экзистенции». Истинно иное по отношению к «быть» — это вовсе не его отрицание («не быть», «ничто»), но «мочь», как особый модус или состояние, не переводимое на язык бытия [См. подробнее 3].

Модальность по отношению к бытию можно в чем-то сравнить с движением (изменением). Движение в своем простейшем виде — это когда предмет находится и не находится одновременно в какой-либо точке пространства. Предмет изменяется — это означает, что он одновременно тот же самый и уже иной в бытии одной модальности. А модальность — когда что-то одновременно реально и нереально (есть и не есть).

Любое существующее явление, предмет, отношение имеют, обретают смысл только в своем стремлении к возможному, своему-иному. Возможное, с одной стороны, является основанием любого бытия, а с другой — оно «осмысляет» существование, завершает бытие, придает ему форму (как идеальное). Сам процесс мышления, в том числе и тот, который мы сейчас вместе осуществляем, есть всегда одновременно процесс определения модальности существующего и процесс построения иной модальности существующего.

Бытие всегда модально. Модальность всегда онтологична. Она есть сущностная характеристика всей существующей реальности, в том числе общества и человека. Однако если в бытии природы модальность выглядит вторичной, то в бытии человека и общества она уже зримо выходит на первый план и постепенно становится более важным, чем даже само бытие.

Это не всегда осознавалось, но мир всегда воспринимался и познавался человеком не только как таковой, а еще и в той или иной модальности его существования или, что в данном случае то же самое, модальности положения человека в нем: действительности, необходимости или возможности. Фома Аквинский формулирует свои три вопроса к миру в модальности необходимости: «Три вещи необходимы для спасения человека: знать, во что он должен верить; знать, чего он должен желать; знать, что он должен делать» [цит. по 4], тогда как Иммануил Кант практически те же самые три знаменитые вопроса формулирует уже и в модальности возможности.

Модальность выступает сущностной характеристикой существующей действительности общества и человека. Например, экономика существует, главным образом, в модусе возможного, торгуя символами и надеждами, поскольку и сами деньги возникают лишь как символ и как эквивалент в процессе обмена значимых для человека символов, а не предметов потребления, которые первоначально производились

всеми и принадлежали в равной мере всем. Современная экономика торгует не собственно предметами, хотя и не воздухом чистых возможностей, но надеждами и уверенностью, которые получили свое стоимостное выражение через разработанные специалистами методы оценки этих важнейших человеческих потребностей. Кредитные и страховые компании в точности рассчитывают все возможности жизни человека исходя из достигнутого им состояния, возраста, образования — и уже имеют дело не с человеком, а с проекциями его возможностей. И положительные, и отрицательные стороны жизни оказываются условными с точки зрения экономики, которая основана на статистике, подсчете вероятностей, а не на однократности случившихся фактов.

Характерным признаком всего, что относится к культуре, является условность. Если природа безусловна, то культура действует знаками и символами, которые насквозь условны, т.е. возможностны. Предмет выступает как знак, если его собственная реальность заслоняется возможностью чего-то иного, — как происходит в словах, красках, математических символах. Сам человек выступает в культуре как своя собственная возможность: он есть не только то, что он есть, но и то, чем он мог бы быть. В терминах теории информации культура есть коммуникация человечества с самим собой, этим она отличается от природы. Но если человек удваивает свою действительность, то это увеличивает его пространство возможностей, он обретает возможность быть другим.

В конечном счете даже природа не может быть описана только модусом действительности, поскольку поведение мельчайших ее частиц непредсказуемо и представляет набор вероятностей. Точно так же и хорошо знакомые нам природные процессы, такие как изменение погодных условий, распределение облачных масс в воздухе, расположение снежинок в морозных узорах, обнаруживают свою нелинейность, неравновесность в новейших исследованиях по теории хаоса и самоорганизации. По словам Ильи Пригожина, «законы природы имеют дело с возможностью событий, а не редуцируют эти события к выводимым и предсказуемым последствиям» [2]. В основе физической реальности лежит не «есть», а «может быть»; соответственно и развитие науки требует доминирующей роли модальности возможности.

2. Возможности бытия одиночества и его виды

Если теперь применить это иное понимание модальности и посмотреть с этой точки зрения на бытие феномена человеческого одиночества, то мы можем разделить субъективную модальность одиночества как отношение человека к феномену «одиночество» и объективную модальность собственного бытия одиночества в существовании человека. В этом случае становится совершенно очевидным, что прежде чем говорить о смысле и содержании отношения человека к какому-либо феномену реальности, необходимо онтологизировать и определить сам этот феномен. Поэтому в нашем конкретном исследовании мы исключим из рассмотрения субъективную модальность одиночества и сконцентрируемся на модальности объективной, на бытии одиночества как такового. Исходя из этого, мы можем сформулировать основной вопрос нашего исследования: в каком виде онтической модальности совершается бытие человеческого одиночества? Требуется ли человеческая природа этого состояния непрерывно и необходимо, что делает одиночество существенным признаком человеческого бытия, или оно существует только как одна из возможностей, которая может реализоваться лишь при некоторых условиях?

Одиночество человека проявляется в той мере, в какой человек реализует свое собственное существование в окружающей его действительности. Несамостоятельный человек в достаточной степени аморфен, чтобы принять ту действительность, которая его окружает, и быть адекватным случайности происходящих событий. Но всякая самостоятельность начинается с противостояния человека окружающей его действительности как таковой, что требует от человека организации своего основания, и что, в свою очередь, создает угрозу одиночества в этой новой создаваемой собственной реальности человека.

Собственно мучительное переживание этого особого состояния человека — одиночества — возникает и существует как общественная проблема в процессе исторического становления человеческой индивидуальности как результат становления и возрастания значимости интенционального поля возможностей человека, а также как результат создания собственной реальности отдельного человеческого существования. Одиночество в этом смысле можно определить как особый побочный продукт человеческой деятельности, существующий в собственной реальности человека.

Создавая свое симантропическое отношение любого вида, человек создает свою реальность и одновременно с этим возможность своего одиночества — теперь ему есть что терять. Поэтому человек испытывает и переживает одиночество не только в случае утраты симантропической связи со своим конкретным Другим, «Другим-Индивидуальным». Существует ли человек в пределах симантропической связи «Я — Другой-Всемирный» или в пределах симантропической связи «Я — Другой-Общественный» — и в том и в другом случае ему грозит одиночество, поскольку это тоже производство своей реальности, которая отличается и противостоит по определению всем другим, в том числе и официальной.

В соответствии с видами собственной человеческой реальности, следовательно, можно определить и виды человеческого одиночества, поскольку если происходит разрушение интенционального поля возможностей человека в тех или иных взаимодействиях, то происходит это, как правило, не тотально, а частично. Одномоментное, тотальное разрушение существующего поля возможностей человека практически невозможно, и виды одиночества человека оказываются следствием разрушения подструктур его интенционального поля возможностей. То есть, в конечном счете, состояние одиночества у человека возникает в том виде человеческой реальности, где происходит разрушение симантропического отношения «Я — Другой», превращение этого отношения в функциональное, или там, где субъекту не удается построить это отношение. Однако если этот вид собственной реальности является доминирующим в структуре существования субъекта или вообще единственным, то такое состояние может переживаться как тотальное, как крах всей человеческой действительности в целом.

Онтологически человек может быть одинок внутри себя, в своей субъективной реальности, может быть одинок в своем социальном положении, может быть одинок в своих индивидуальных отношениях, но практически невозможно человеку быть одиноким вообще, полностью. Если человек не имеет исторической или персональной возможности установить устойчивое симантропическое отношение «Я — Другой-Индивидуальный», то он имеет возможность установить устойчивое симантропическое отношение «Я — Другой-Общественный». Если же и в этом случае устойчивые, закономерные отношения невозможны, то повторяющаяся случайность возобновляющихся событий и отношений как отражение определенной закономерности в устройстве мирового порядка может привести к созданию в объективной ин-

дивидуальной реальности человека образа Другого-Всемирного и установлению симантропического отношения с этим Другим. И только если специфика собственной реальности совсем исключает человека из системы отношений с другими людьми, тогда у него есть основания для тотального одиночества, что, впрочем, и с той и с другой стороны равнозначно гибели человека.

Человеку, производящему любой из видов своей реальности, трудно избежать вынужденного одиночества потому, что ему трудно найти своего Другого. Чем сложнее становится внутренний мир человека, чем сложнее содержание его деятельности и структура его собственной реальности, тем острее его потребность в устойчивых и обоюдно значимых отношениях с другим человеком. И тем труднее ему найти такого Другого, причем не просто как некую весьма определенную данность, соответствующую потребностям ищущего субъекта, но как другого конкретного (или абстрактного) субъекта, в своей интенции устремленного навстречу данному.

Мудрость поговорки «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» не в том, что ты такой же, как он, и не в том, что друг твой, как зеркало, отражает и помогает другим людям увидеть твои важнейшие черты, а в том, что ты — это только часть тебя. Скажи мне, кто твой друг, кто твой Другой — тогда я увижу тебя целого.

К сожалению, в обыденной действительности современного нам конкретного человека чаще всего другой человек является для него лишь условием и средством самовыражения, и тогда общение с другим — это верная дорога, ведущая к тотальному одиночеству. «Причина, почему такого рода общение широко практикуется сегодня, в основном состоит в том, что люди очень стремятся к тому, чтобы кто-то о них заботился, что в свою очередь вызывается дефицитом внимания. В безличной атмосфере индустриального общества все большее число людей, очевидно, страдает от чувства одиночества—одиночества «одинокой толпы». Понятно, что возникает сильное желание компенсировать этот недостаток тепла близостью. Люди жаждут интимности. И жажда интимности столь настоятельна, что этой интимности ищут любой ценой, на любом уровне; ирония состоит в том, что ее ищут даже на безличном уровне, на уровне чисто чувственной интимности. Жажда интимности здесь превращается в приглашение «дотронься» [1. С.328]. Я не уверен в оценке ироничности этой ситуации, поскольку чувственная жизнь составляет очень важную часть жизни конкретного человека, но это, действительно, самый простой и доступный каждому, но далеко не самый лучший способ поиска другого человека, и тенденция, к сожалению, подмечена верно.

В современном обществе эта жажда имеет характер эпидемии, но, возможно, скоро проблема поиска своего Другого будет технически решена, и наши дети будут удивляться тому, как же люди могли жить в ту эпоху, и они будут сочувствовать нам так же, как мы удивляемся и сочувствуем людям прошлого, когда были эпидемии болезней и без вакцины эти проблемы были неразрешимы. Мы всегда склонны рассматривать свое общество как завершенное, окончательное, хотя оно всегда только переходящее.

Теперь, имея представление о природе и видах одиночества, мы можем отличить действительное объективное состояние одиночества от разнообразных эмоциональных переживаний. Неодиноким человек — либо не создающий свою реальность существования, либо постоянно существующий в симантропическом отношении с Другим, которое обеспечивает существование интенционального поля возможностей данного субъекта. Одиноким человек — создавший тот или иной вид своей собственной реальности, но утративший интенциональное поле возможностей или не имеющий соответствующего симантропического отношения со своим Другим.

Поэтому даже в процессе реализации своей индивидуальности человек совсем не обязательно становится одиноким. Утверждая себя, например, в различных видах творчества, человек реализует свою действительность по отношению к другим людям, для других людей и одновременно с этим пересоздает свою собственную действительность. Он может при этом создавать новые отношения и разрушать старые, но, если сохраняется его симантропическое единство с Другим в том или ином виде его действительности и сохраняется его поле возможностей, то человек не будет одинок. У нас есть множество исторических примеров великих творцов, которые не были одинокими, постоянно реализуя себя, свою действительность в творчестве. Симантропическое единство с Другим и поле возможностей человека по-разному, но в равной мере выступают гарантами, защищающими его от одиночества, поскольку присутствие Другого в симантропическом единстве относительно независимо от деятельности данного человека за пределами этого единства, а поле возможностей в свою очередь требует продолжительности усилий субъекта не только для своего создания, но и для своей реализации в собственную реальность человека.

Однако, не будучи на самом деле в состоянии одиночества, человек может переживать мнимое одиночество. Человек может по сходству внешних признаков определять свое состояние как одинокое, когда оно таковым не является. Главным признаком в существовании человека, который показывает наличие одиночества, является преимущественная случайность происходящих событий и изменений в собственной реальности человека. Тогда как для неодинокого человека характерна доминирующая закономерность, внутренняя причинная обусловленность действий и предсказуемость их результатов. Поэтому то или иное случайное событие, особенно попадающее в резонанс с теми или иными культурными, психологическими, физиологическими особенностями человека, способно по аналогии вызвать иллюзию состояния одиночества даже в условиях отсутствия фактических оснований этого состояния. И если в силу каких-либо психологических или социальных причин человек начинает это переживать, то мучительная рефлексия, движение по кругу в рамках данного чувства действительно могут привести к изменению системы взаимоотношений субъекта и породить состояние одиночества.

Специфика одиночества в бытии конкретного человека заключается в том, что оно может с разной степенью вероятности существовать во всех онтических модальностях, но первично оно только возможно, более того, возможно только для определенных видов людей (в зависимости от наличной реальности человека, структуры его сущности и действующей интенциональности). Его первичная потенциальность определяется следующим:

Во-первых, какой-либо конкретный человек может просто не быть индивидуальным человеком, не производить своей реальности, не иметь симантропического существования и, следовательно, интенционального поля возможностей. Такой человек при всем желании не может утратить то, что он объективно не имеет, и не может стать одиноким.

Во-вторых, тот или иной конкретный человек может построить свою реальность на базе того или иного симантропического отношения и счастливо сохранять структуру своего интенционального поля возможностей на протяжении всей своей жизни, не испытав вкуса одиночества.

В-третьих, даже при реализации своего интенционального поля возможностей, то есть будучи объективно в состоянии одиночества, этого чувства или переживания можно избежать при условии сохранения и развития существующих симантропи-

ческих отношений человека, если одновременное параллельное развитие субъектов симантропического отношения не отменяет необходимости и развития самого этого отношения, которое, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство интенционального поля возможностей человека. Но если такое параллельное развитие оказывается невозможным, если существующее симантропическое отношение ограничивает возможности роста кого-либо из субъектов этого отношения, то у деформированного субъекта закономерно появляется потребность в одиночестве — выйти за пределы навязываемых ограничений.

Таким образом, одиночество не есть неизбежность, на которую с рождения обрекается каждое человеческое существо. В отличие, например, от единственности, на что, действительно, каждый обречен уже тем, что он есть и есть не-равный никому и ничему другому.

Библиографический список

1. Гачев, Г. Творчество, жизнь, искусство / Г. Гачев. — М. : Дет. лит., 1980 — 143 с.
2. Пригожин, И.Р. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И.Р. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М. : УРСС, 2003. 310 с.
3. Эпштейн, М. Философия возможного: междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб науч. центра РАН / М. Эпштейн. СПб. : Алетейя, 2001 — 334 с.
4. Bartlett, J. Familiar Quotations / J. Bartlett. Boston, Toronto: Little, Brown and Co., 1955, 75 p.

A. Nechaev

MODALITY OF LONELINESS

The article offers the view on existence of loneliness in the perspective of possibility and modality. The author suggests a new approach to understanding modality, which is the relationship between objects as one whole and another under definite conditions within a certain interaction system with other objects. The notions of subjective and objective modality are defined.

The modalities and types of loneliness are analyzed in accordance with the types of reality created by a person. The conclusion is made that loneliness always exists as a modality and is initially formed as a possibility.